

УДК 882

СЮЖЕТ ПУТЕШЕСТВИЯ НА ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИКИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА (К АНАЛИЗУ РОМАНА М. ТАРКОВСКОГО «ТОЙОТА-КРЕСТА»)¹

Н.А. Вальянов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена отражению поэтики *восточного фронта* в художественной традиции современного сибирского писателя М.А. Тарковского. На материале романа «Тойота-Креста» (2017) – этапном произведении автора – исследуется *сюжет путешествия на Восток* как модель репрезентации сибирского и дальневосточного нарративов. Особое внимание в исследовании уделяется реализации *культурной* границы, определяющей взаимозависимые отношения между западными и восточными регионами России. Сам автор произведения полагает, что именно Сибирь значит тем пространством, где возможен «диалог культур» (Ю. Лотман).

Цель статьи – выявить особенности функционирования *сюжета путешествия на Восток* как нарративной модели, формирующей поэтику восточного фронта в художественной прозе М.А. Тарковского.

Методы исследования: мифопоэтический, структурно-типологический анализ текста.

Результаты исследования. Сюжет путешествия на Восток является структурообразующим элементом романа «Тойота-Креста»; он представлен как повествовательная модель, конструирующая поэтику восточного фронта на различных уровнях: *образном, мотивном, хромотопическом*.

Конструирование образной системы романа определяется типом мышления героев, ориентированных прежде всего на традиционные (восточные) ценности. Образ центрального персонажа – Евгения Барковца – выписан в мифопоэтической традиции, наделен чертами культурного героя: от заданных ему фольклорных и христианских истоков образа до традиции изображения героя-«пацана» (З. Прилепин, Р. Сенчин, С. Шаргунов)², способного своевременно определить направление движения.

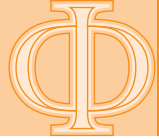
Выводы. Сюжет путешествия на Восток представлен как инициация, он конструирует мотивную систему романа и сопряжен с образом дороги, темой движения, ситуациями встречи и расставания, что определяет ключевые лейтмотивы романа: от *одиначества и пустоты* до *преодоления, покорения и освоения*.

Хромотоп произведения репрезентируется архетипом дороги, структурируется образно-пространственными антиномиями, что в пределах авторского сюжета сподвигает к культурному диалогу. Метафорическое осмысление сюжета путешествия в романе воспроизводит идею о судьбе России,двигающейся на Восток, способной исторически преодолеть западно-восточную дихотомию.

Ключевые слова: *сюжет путешествия, восточный фронт, мотив покорения, мотив освоения, сюжет-инициация, Михаил Тарковский, Сибирь, Дальний Восток.*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00071, <https://rscf.ru/project/25-18-00071/>; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.

² О «пацанской» прозе в современной литературе размышляет критик В. Пустовая. См.: Пустовая В. Родины дым // Пустовая В. Великая легкость. Очерки культурного наследия. М.: РИПОЛ-Классик, 2015. С. 80–100.

Постановка проблемы. Изучение поэтики *восточного фронта* является одним из актуальных направлений современного литературоведения [Воробьева, 2012]. Устойчивый интерес славистов к указанной историко-культурной категории проявляется на различных уровнях повествования – идейно-тематическом, сюжетно-композиционном, мотивном, образно-символическом, порождает академические («геопоэтические») концепции, определенно транслирующие *ориентализм* (теория Э. Саида) как особую философию, чья исключительность актуализируется различными формами общественного сознания и опыта – способом мышления, отношением к традиции, противостоянием западному господству. Исследование культуры фронта отдельных регионов обусловлено интересом к их «территориальному» имиджу, связанному главным образом с формированием «локальной» идентичности – своеобразием этноса, уникальностью природного ландшафта, самобытностью традиции и языка [Анисимов, 2014].

В контексте восточного фронта конструируется *особый тип текста* (локальный текст/«сверхтекст»), содержательно наследующий мысль об освоении обширных пространств, преодолении трудностей, идею выживания в борьбе со стихией и враждебными силами [Милянчук, 2014, с. 185]. Его структурно-семантическая природа концептуализирует *сибирские* [Панарина, 2013; Хромых, 2012; Карпухина, 2020] и *дальневосточные* [Александрова-Осокина, 2023; Васильева, 2025] нарративы, текстопорождающими константами которых, по мнению современных исследователей, оказываются мотивы *природной исключительности, этнокультурной неоднородности, окраинности, пограничности, переселенчества* [Головнева, Мартишина, 2018, с. 217].

Художественная репрезентация *сибирского* и *дальневосточного* фронта в современной словесности актуализирована литературно-публицистическими произведениями, историко-документальными исследованиями, мемуарами, в которых отражается *сюжет путешествия в восточные земли*, раскрывается *тема освоения и преобразования* далеких пространств: исторический роман «Тобол» А. Иванова, авантюрно-приключенческий роман «Роза Ветров» А. Геласимова, очерки А. Иконникова-Галицкого («Сокровенная Россия. От Ладоги до Сахалина»), «Тропую испытаний» Григория Федосеева, литературные портреты и геополитические наблюдения В. Авченко («Очарованные странники. Литературные первопроходцы Дальнего Востока»; «Дальний Восток. Иероглиф пространства», «Правый руль»), проза М. Тарковского («Гостиница «Океан», «Тойота-Креста»). Сюжеты, связанные с фронтными образами Сибири и Дальнего Востока, получают в современных текстах различное авторское прочтение: историческое, философское, социальное, (антропо-)культуроцентристское, геополитическое.

Обращаясь к анализу романа «Тойота-Креста» (2017) – знакового произведения зрелой прозы М. Тарковского, мы апеллируем к проблеме *культурного фронта* как ментального пространства – «перекрестка», «места встречи разных культурных смыслов/кодов», детерминированного неустойчивостью, размытостью,

пограничностью аксиологических паттернов в границах социокультурного взаимодействия. В этом отношении фронтир представляется зоной «культурного» пограничья, где категории ‘своего’ и ‘чужого’ парадоксально пересекаются, и происходит «напряжение границы» (термин А. Тойнби). В намеченном контексте уместно обратиться к положениям Ю.М. Лотмана, который рассматривал в диалоге культур не область их семантического совпадения/замещения, а позиции их «культурного» несоответствия, что, по мысли ученого, побуждает к убедительной коммуникации [Лотман, 2002]. Культурный фронтир, обеспечивая диалогичность пространства, предполагает наличие *Другого Я*, наличие границ между *Своим миром* и *миром Чужого*. Социокультурная граница включает представление о бинарной структуре жизненного пространства [Андреева, 2014, с. 11–15].

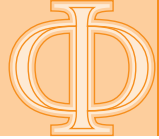
В контексте литературоведческой рецепции стоит обратить внимание на *проблему противостояния Запада и Востока*, отражающую дуальность культур и порождающую антиномичность поэтики [Успенский, Лотман, 1994, с. 220], что получило художественное осмысление в ведущих произведениях русской традиционалистской прозы [Вальянов, Зубкова, 2023; Ковтун, 2017; Цветова, 2018]. В геополитическом романе писателя эту проблему логично рассматривать в контексте *теории неоевразийства* (П. Савицкий, Н. Трубецкой, Г. Флоровский, К. Леонтьев), транслирующей идею о том, что Русь *должна двигаться на Восток*, куда она способна нести идеи христианской этики [Соколов, 2014, с. 12–13]. Оригинальность выдвинутой теории, по утверждению Н.В. Ковтун, связана с «новым пониманием роли церкви, миссии государства», которому свойственна «отчетливо восточная (туранская) ориентация» [Ковтун, 2017, с. 42]. Художественные искания писателей-традиционалистов свидетельствуют о необходимости сохранения единства и целостности российской государственности, нерушимости ее границ, национальных интересов русского народа – заданный аксиологический вектор в перспективе может быть скорректирован народным опытом [Ковтун, 2017, с. 42].

Обзор научной литературы. Проблематика настоящего исследования отражена в академических трудах, посвященных вопросам изучения восточного фронта [Воробьева, 2012; Анисимов, 2014], теории неоевразийства [Соколов, 2014], дуальности русской культуры [Успенский, Лотман, 1994], современной традиционалистской прозы [Ковтун, 2017; Цветова, 2018], поэтики актуальной русской прозы [Вальянов, 2020].

Цель статьи – выявить особенности функционирования *сюжета путешествия на Восток* как нарративной модели, формирующей поэтику восточного фронта в художественной прозе М.А. Тарковского.

Методология исследования. В работе применяются методы мифопоэтического и структурно-типологического анализа текста.

Результаты исследования. В отечественной словесности *путешествие* является устойчивой нарративной моделью, оказывающей огромное влияние на развитие художественной литературы. Как форма изложения географических и этнографических сведений оно выступает одним из «наиболее распространенных

способов композиции в повествовательных и описательных жанрах» [Литературная энциклопедия, т. 9, 1935, с. 375].

Д.Н. Замятин, исследователь в области гуманитарной географии, размышляя о роли литературы путешествий в формировании географических образов, отмечает: «Русская литература уже по своему происхождению <...> принадлежит путешествиям <...>». Благодаря литературному осмыслению Россия «осознавала <...> свои огромные и слабо освоенные пространства. <...> развивалась на ходу, трясясь в карете, в тарантасе, на телеге, по пыльным проселкам и широким трактам <...>». Отсюда, замечает исследователь, «несомненная важность для ее понимания путевых заметок, писем, очерков, дневников и публицистики» [Замятин, 2004, с. 26]. Так постепенно и происходило «литературное» освоение северных, сибирских и дальневосточных пространств. Путевые очерки и заметки о Сибири, мемуары и отчеты о путешествиях в восточные окраины, отмечает Н.Н. Родигина, «расширяли представления жителей “внутренней России” о чужой и малоизвестной территории, населенной «другими/чужими» народами, формировали узнаваемые образы территорий и населения «азиатских владений» Российской империи, вписывали «новые земли» в ментальные карты интеллектуалов [Родигина, 2012, с. 170–171].

М. Тарковский как писатель-фронтирмен. М. Тарковский – заметная фигура в современной русской прозе. Достаточно любопытным и в определенном смысле уникальным оказывается биографический опыт писателя, всячески транслируемый им в авторском нарративном поле. Ситуация перемещения из интеллектуального/культурного пространства в пределы необитаемого/неосвоенного/чужеземного определяет своеобразную установку на *‘жизнестроительство’*. Личный опыт писателя, переехавшего в 1986 г. из Москвы в севернотажное поселение Бахта Красноярского края, репрезентирует в художественнометасфорическом смысле «культурный» сюжет о путешествии на Восток. Так, условно транслируется персональный миф о покорении/освоении Сибири, засвидетельствованный уже в ранних текстах автора и перерождающийся в сюжет об инициации. В повести с «Высоты» (2001) примечательной оказывается история охотника и писателя Игната Кузнецова, увлеченного романами о покорении Сибири и чувствующего себя первопроходцем, потому как «больше всего на свете он любил открывать новые места» [Тарковский, 2009, с. 156]. Жизнь писателя, представленная в повести, проецируется на судьбу вымышленного героя – среднерусского крестьянина, сосланного на поселение в Сибирь, который так же, как и Игнат, оказывается интеллектуалом. Узревший сибирское раздолье и едва не спятивший от изобилия зверя и рыбы, он «благодарит судьбу за подарок и, засучив рукава, берется за дело» [Тарковский, 2009, с. 158]. Ритуальность маркирована «обстановкой таежного одиночества», подчеркнута особым – сакральным – отношением героев к пространству, их трудом, суть которого в том, чтобы срубить избушку, обжить тайгу, накопать огороды, «наслаждаясь чувством воли и через год дивиться ощущению, что ты тут ни при чем» [Тарковский, 2009, с. 156].

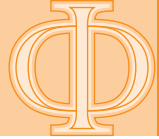
М. Тарковского можно рассматривать как пример «культурного» представителя сибирского фронта, для которого, как отмечают современные исследователи, характерен тип *искателя приключений, торговца, охотника, отчасти интеллектуала* – это «люди поступка», «носители маргинальных начал». Авантюризм, свободолюбие, промежуточность сознания, пограничность между разными культурами – отличительные черты сибирского фронтирмена [Ершов, 2011; Романова, 2016].

Сломавший, по словам В. Авченко, собственную судьбу, которая была предопределена Михаилу Тарковскому от рождения, он выстраивает иной жизненный путь, создавая вокруг себя персональный миф: «Никакого дешевого героизма не было. Если у тебя есть страсть, мечта и ты ее осуществляешь, то просто идешь по пути наименьшего сопротивления. Я делал, что хотел, вот и все», – так декламировал свой биографический «зигзаг» журналистам писатель [Тарковский, 2016, с. 5]. По утверждению О. Павлова, Михаил Тарковский идет своим путем и «не за громким именем, а потому что хочет достичь своей цели – теперь уже, наверное, не быть, а остаться самим собой», он «не сделал из своей громкой фамилии судьбы <...> всегда пятился от мира искусства и входил в этот мир “чужаком”»³.

«Тойота-Креста» как геополитический роман. В творческой биографии М. Тарковского «Тойота-Креста» является произведением знаковым. Во-первых, является единственным художественным текстом романного жанра, наделенного, в частности, признаками травелога; во-вторых, идеологически определяет зрелую прозу писателя, знаменует его переход от *традиционалистской поэтики* к эстетике *нового реализма* [Ковтун, 2019; Вальянов, 2020]. Знаковость романа обусловлена и принципиальным интересом автора к образу брутального героя – «пацана», наделенного верой в перспективность новой России, создающейся на основании учения неоевразийства.

Несмотря на то что сам М. Тарковский определяет «Тойоту-Кресту» как *геополитический роман*, современная критика разнородно осмысляет его жанровую природу: от «атмосферического» сочинения, наделенного чертами любовного или рыцарского романа, до травелога и романа-путешествия. В произведении остро позиционируется проблема выбора пути, как индивидуального, так и общественного. Собственно, сам писатель акцентирует внимание на проблеме национальной идентичности, осмысляет знаковую роль Сибири в диалоге между западной и восточной частями России. Инициационная функция сибирского пространства определяется *отношением чужого/иного* как способа самопознания общества, маркируется степенью (не-)принятия законов устоявшегося миропорядка, что нередко порождает противоречивость в единстве традиционного сознания и формирующегося индивидуализированного и диалогического мышления [Автухович, 2024, с. 109]. Идея *правого руля*, утверждаемая автором

³ Павлов О. Пути и тропы. О прозе Михаила Тарковского // Литературная газета. 2001. № 11. С. 9.

в границах повествования, провозглашается как философия восточного мира, непонятая и непринятая миром западным. Отмена праворуких машин для столицы обозначает полное подчинение правилам и порядкам автономного московского центра. Реализуемая нарративная стратегия дополняется авторскими размышлениями о судьбе России на рубеже XX–XXI вв., где предельно выражена проблема разобщенности Москвы и регионов, Запада и Востока.

Структура сюжета и хронология. Сюжет путешествия, идейно вписанный в контекст литературного повествования и отражающий основной конфликт произведения – противостояние Запада и Востока, определяет внутреннюю структуру романа, событийно разделяя его на две части – *поездкой из Сибири в Москву* и путешествием обратно – *из Москвы в Сибирь и на Дальний Восток*. Московия как прозападная территория противостоит Сибири и Дальнему Востоку. Так формируется культурный фронт: очерчивается ментальная *граница между миром западным и восточным*. Одно пространство олицетворяет прогрессивное начало – *цивилизацию*, другое – *дикое, неосвоенное, таежное*. В терминологии В. Топорова Урал выступает *границей/переходом* из одного пространства в другое. Вторая часть романа («Крест»), описывающая движение Жени Барковца за Урал, посвящена осмыслению его жизненного пути через личное восприятие судьбы всей страны. Художественный нарратив пронизан внутренними монологами героя о собственном предназначении, авторскими отступлениями о жизни страны в постперестроечное время, исполнен детального описания зауральских геотопосов и изображения непростой участи сибиряков.

История путешествия на Восток представлена частными событиями, определяющими идеологию и философию существования правой (метафорически осмысляемой как «праведной») стороны России: *расставанием* с возлюбленной и *отъездом* Барковца из Москвы, его *диалогом* с «Крестой», *притчей* об Иване-охотнике, *письмом* от Насти, *встречей* с Ниной Егоровной в больнице, *куплей/продажей* автомобиля в Южно-Сахалинске.

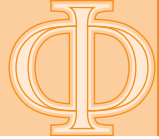
Отбытие героя из первопрестольной спровоцировано конфликтом, возникшим между москвичами и сибиряками в столичном ресторане. Причиной ссоры оказываются разногласия, связанные с документальным фильмом о Сибири. Барковец осуждает москвичей – «безбожников», покрививших душой, – за проявленное в кинокартине безразличие, отстраненность, невнимательность к традиции. В монологе, произнесенном Евгением, звучит ключевая идея романа: западный мир не готов слышать и понимать мир восточный; если для сибирского человека традиция – основа бытия, то для москвича она не имеет значения, подменена идеей материального благосостояния, успешности. Последующая разлука с избранницей сподвигает героя к решению покинуть столицу и вернуться домой. Собираение в обратный путь и отправление из Москвы в дальневосточную сторону сопровождается мотивами *пустоты* и *одиночества*: осиротевшей, будто лишившейся самого сокровенного изображается «навсегда отрезанная» столица («пустой город», «пустые мосты», «запертые магазины»).

После окажется проданной и машина героя – белая «Тойота-Креста», чей образ в романе не менее концептуален: автомобиль выступает средством *преодоления границы/перехода* из западного пространства в восточное, соотносится с канонической символикой георгиевского коня. Мифологема в пределах повествования очевидна, она задает *образ главного героя*, выписанного в традиционной парадигме. Исполненный храбрости, мужества и справедливости, шофер Жека, скачущий на железном «коне» – белой «Тойоте-Кресте», – проповедует словом/истиной. Образ функционально и атрибутивно подсвечен авторитетом Георгия Победоносца. Евгений Барковец (архетип *Егория Храброго*) поражает противника словом / как «копием», в финальных фрагментах романа (часть 3, глава 12) он и вовсе предстает как несущий апостольское учение, призывая «думать о спасении души», «любить врага» и «разглядеть в пропащем образ Божий» [Тарковский, 2016, с. 391]. Евгений хорошо ориентируется в художественной литературе, интеллектуален, набожен, поет на клиросе, часто обращается к друзьям с наставлениями и проповедями.

Контекстуально образ Барковца соотносим и с Аввакумом, идеологом старообрядчества, защищавшего установки и традиции «древлего благочестия». Евгений, отстаивающий уважение к дому/Сибири, куда надлежит *входить с поклоном*, критикует московскую аристократию, попирающую всякое почтение к заветам, обычаям и ритуалу. Обращаясь к ним, он восклицает: «Как вы входите? <...> Я скажу, как вы входите! Вертя ж...ми» [Тарковский, 2016, с. 171]. Происходит очевидная – *культурная/ментальная* – подмена: провинциальными замашками и звериными чертами наделяются москвичи, чей образ уподобляется козлу, проявляющему дикость, необузданность, упрямство; образ столицы нивелируется амплуа «мировой провинции». Сибиряки же, напротив, олицетворяют богобоязненность и человеколюбие. Стиль резких высказываний, прямота и категоричность Барковца периферийно сближают героя с поборником старой веры.

Образ Евгения как *народного заступника* отсылает и к мифологеме Ермака – «поднятого на пьедестал национального героя» [Блажес, 2001, с. 249]; символизирующего в исторических сказаниях и легендах служение и заботу о людях; предстающего *культурным героем*, который утверждает миру новые возможности и ожидания [Лазареску, 2021]. Герой Тарковского наделен мужской харизмой, волей, жаждой вывести свой народ к процветанию, вопреки неразумной политике центра, ориентированного на европейские ценности. Витальность, открытость, перспективность – «внутренние» маркеры личности Барковца: он искренне отстаивает уклад жизни сибиряков, откровенен в своих подлинных чувствах к Марии, чистосердечен в убеждениях собственной веры, «сознательно» обещая бессмертие праведникам и предрекая справедливый суд безбожникам, что функционально вписывается в парадигму *трикстерства* [Ковтун, 2022].

Расширяет мифопоэтическую коннотацию образа первопроходца и *архетип дороги*. Евгений, преодолевающий непростой путь в Сибирь, подобно Ермаку, наделяется богатырскими приметами, он способен одолевать путевые препятствия,

превозмогать природные преграды, ему даровано ощущение «власти пространства», «времени покоя» и «власти над жизнью» [Тарковский, 2016, с. 173]. А некоторые художественные эпизоды путешествия Евгения на Дальний Восток и вовсе сопровождаются сакрализацией образа: автор усиливает поэтику раздвоенности, показывает судьбу героя на перепутье: он «лежал меж ними пластом, и вставали горы по правую руку, и лежала по левую равнина с болотняками» [Тарковский, 2016, с. 122]. Описание свидетельствует о реализации евангельских мотивов: фигура героя условно коррелирует с образом распятого Спасителя, по правую сторону от которого находился праведный мир (в обликии раскаявшегося/спасенного разбойника), по левую – грешный мир, представленный нечестивцами.

Мотив *космической пустоты*, описание бездонной и бескрайней дороги предваряет странствия Барковца. Сюжет путешествия выписан в *фольклорной парадигме*, чему способствуют и другие структурные элементы повествования. Так, *притчу об Иване-охотнике* (которую в дороге поведал сам Евгений) отличают сказовая манера повествования, прием персонификации, знаковость числа три, семантика традиционного сказочного имени, род деятельности героя. Событийность произведения сопровождается *мотивами дороги* («...и снова была дорога...»), *преодоления препятствий*, темой выбора, аллюзивно соотносится с *мифологемой перепутья*. Путь, пролегаемый в Сибирь, оказывается утомительным, странствия героя по долгой и трудной дороге условно напоминают *сюжет хождения за Урал, мотив покорения Сибири*: «В грубую кашу мешались солнце, рваные облака, мокрый снег, водяная пыль, стоящая облаком <...>» [Тарковский, 2016, с. 173].

В пути машину героя «туго обдувает, охлестывает сырой смесью снега и грязи бампер, скат капота, скулы крыльев», «ветер шлифует родные обводы» [Тарковский, 2016, с. 174]. Автор демонстрирует силу и мощь машины, которая, несмотря на непогоду и дорожные трудности, преодолевает огромные пространства, блокирует душу: «...как неумоимо работают поршневая, кольца, форсунки, привода и подшипники, насосы и рулевые тяги...» [Тарковский, 2016, с. 174]. Летя на прекрасной технике, Барковец испытывает в дороге ощущение силы, вечности, *власти над пространством*, что свидетельствует об амбициозной и харизматичной личности. *Ситуация движения/пути* получает экзистенциальное прочтение, представляется как *катарсис*: в этот момент герой не боится «ни боли, ни смерти, считая, что власть эта так же мощно перенесет его за пределы земной жизни» [Тарковский, 2016, с. 184].

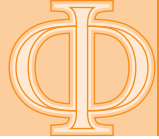
В диалоге с Крестой Барковец упоминает гору с зубчатым гребнем, напоминающую *Корону* и аллюзивно отсылающую к уральской возвышенности. Урал выступает фронтиром/рубежом – пространством, откуда видны две дороги и возможны лишь два пути, именно здесь свершается выбор – «спастись» или «спасти мир», что и определяет историческое противостояние [Блажес, 2002]. В Зауралье царит уже иная культура, она сопряжена с традицией. Пересечение Урала (Каменного пояса) явлено как событие сакральное. Холодное небо, слепящее солнце, чайный отвар – классические атрибуты переправы.

Автором весьма достоверно передано внутреннее состояние Евгения, достигнуто приемом *психологического параллелизма*. Симптоматично, что до подъезда к уральскому хребту шофер, казалось, будто «слеп и глух» и душа его «была заблокирована», «онемевшая плоть невыносимо зудела по краю» [Тарковский, 2016, с. 174]. Пересекая заповедную границу, герой мгновенно переживает оживление, чувствует, как в нем «начала отходить память», что типологически сближает Евгения со многими избранными персонажами ранней и зрелой прозы автора. Момент встречи с Сибирью «сообщается» герою, представляется ритуалом: «И качнулись пихты, уколов душу, и вдалеке тоже пошевелилось огромное, еще не видное, сизое, парящее...» [Тарковский, 2016, с. 175].

Путь в Сибирь – *встречь Солнцу* – открывается виднеющейся на горизонте «узкой, в нитку, золотой полоской», образно отсылающей и к месту восхождения Солнца (Восток), и к ее недрам – природным богатствам. Облик «духовного заповедника» (А. Черкасов) предстает в народной песне, радостно напеваемой героем: Сибирь – это место, куда «покатится монета» // и «проскачет вороной». На подъезде к Омску герой наблюдает «стеклянное небо», «сероватое полотно», «низкие горы», «черные остроконечные пихты», «снег по обочинам», «копящие фуры» и «длинные спуски-подъемы» [Тарковский, 2016, с. 175] – знаковые приметы зауральского пространства. Встреча с сибирской землей ознаменована мотивами *солнечного света, гостеприимства*: сливочно-белая тойота-«каринка», которую вмиг «олило солнцем», заулыбалась путнику, и «легко стало Жене от светлой и родной этой машинки» [Тарковский, 2017, с. 186]. Возвращаясь, Женья словно видит другую, новую Сибирь, встреча с которой знаменуется фразой: «Это тебе Сибирь улыбнулась» [Тарковский, 2016, с. 186]. Мотив покорения Сибири выписан в романе уже не историческим взглядом, скорее сознанием социальным, психологическим. Это не есть покорение народов/земель, суть его в *изживании* объективно непреодолимого для человека [Лазареску, 2021, с. 246] – слепого, бездумного следования беспощадным законам, нарушающим гармонию человеческого бытия; в *стремлении* к сохранению миропорядка, ослаблению вечного исторического противостояния.

Примечательно и то, что устойчивый в русской картине мира мотив покорения Сибири в творческой философии писателя оказывается диаметрально перевернутым: так, в первой части романа, когда происходят знакомство героев, их возможное сближение, писателем намечается образ «немосковской» Маши. В пределах авторского нарратива возникает *миф о завоевании Москвы Сибирью*. Примечательно, что именно в Сибири Мария признается в своей женской слабости, снимает оковы московской («стальной») леди, поддается подлинным чувствам. Она первая признается Евгению в том, что он, покорив своей безоглядностью, Енисеем и машинами, смог ее сознание изменить и «переделать».

Ценностное поле романа, его «пространственность» в целом и художественную структуру *сюжета путешествия* в частности организуют дуальные модели. Представители отечественного структурализма (Ю. Лотман, Б. Успенский)

отмечали: «Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» [Успенский, Лотман, 1994, с. 220]. Однако позже идея устойчивой бинарной оппозиции в литературоведении дополняется теоретическими положениями о дуальной модели коммуникации. В поздних работах Ю. Лотмана высказывается мысль о взаимодействии антиномичных элементов, появляется возможность диалога.

В романе М. Тарковского необходимость такого взаимодействия выражается в идее призыва к воссоединению. Подобную модель коммуникации писатель разворачивает на сюжетно-образном, мотивном уровнях повествования. Так, образу «грешного» Евгения противостоит образ праведной Насти. Художественное пространство в романе делится на «свое» (Алтай, Сибирь, Дальний Восток) и «чужое» (Москва). Однако и здесь автор пытается воссоединить две противоборствующие стороны: оказавшись в Москве, Евгений постепенно принимает этот город, соединяет его со всей Россией через образ столичного монастыря, который уподобляется енисейскому храму. Писатель соотносит образ героя с птицей – знаковым условием единения здесь становится приобретение внутренней свободы, связанной с *полетом* / как *путешествием*. В этом же контексте можно выделить географические, гендерные и ментальные оппозиции в их диалогическом отношении: «периферия»/«центр»; «восток»/«запад», «традиция»/«прогресс», «Он»/«Она».

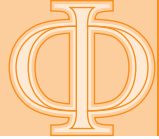
Заключение. Итак, представленный в структуре романа «Тойота-Креста» сюжет путешествия на Восток отражает конфликт повествования, порождаемый устоявшимися в национальном культурном сознании антиномиями – *свое/чужое; здесь/там; регион/столица, периферия/центр; Восток/Запад; духовное/материальное*, что свидетельствует о поэтике *восточного фронта* (нас прежде всего интересовала его культурная репрезентация).

В контексте намеченной проблематики проанализирован образ главного персонажа Евгения Барковца, наделенного приметами *культурного героя*, метафорически персонифицированного в разных художественных обликах: *фольклорных* (Ермак/Егорий Храбрый), *христианских* (Георгий Победоносец/Спаситель), *литературных* (протопоп Аввакум), чья миссия предопределена как *служение людям*. Путь, преодолеваемый героем, оказывается непростым и утомительным, связан с опасностями, трудностями, сопряжен с *мотивами* нравственных испытаний, преодоления препятствий и преград. Традиционный мотив покорения Сибири, реконструируемый в повествовании, переосмысливается, наделяется исключительно авторской коннотацией: человеколюбие и уважение к традиции и есть путь к завоеванию восточного пространства.

Сибирь оказывается тем местом, где сохраняется *перспективность диалога*. М. Тарковский, вслед за предшественниками – А. Солженицыным, В. Распутиным, В. Шукшиным, – убежден, что сближение народа возможно через традицию.

Библиографический список

1. Автухович Т.Е. Инициация как проблема в литературе XX–XXI веков: монография / под науч. ред. Т.Е. Автухович. Гродно: ГрГУ, 2024. 155 с.
2. Александрова-Осокина О.Н. Образ «дальневосточного фронта» в лирике П.С. Комарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Вып. 16, № 10. С. 3622–3627.
3. Андреева А.А. «Фронт» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 11–15.
4. Анисимов К.В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 5–21.
5. Блажес В.В. Имя покорителя Сибири в свете фольклорных фактов // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 241–250.
6. Блажес В.В. Фольклор Урала: народная история о Ермаке (исследование и тексты): сб. материалов. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та. 2002. 186 с.
7. Вальянов Н.А., Зубкова П.И. Мотив пути и его значение в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Сибирский филологический форум. 2023. № 25 (4). С. 63–73. DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-63-73
8. Вальянов Н.А. Поэтика М.А. Тарковского: проблема хронотопа и образ героя. М.: Флинта, 2020. 228 с.
9. Васильева Т.В. Основные топосы фронтального хронотопа в литературе XIX века // Язык как структура и дискурсивная практика. 2025. № 1 (8). С. 41–48. DOI: 10.38161/2949-4877-2025-1-41-48
10. Воробьева Т.В. Восточный фронт России // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (19). С. 5–14.
11. Головнева Е.В., Мартишина Н.И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В.К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 200–218.
12. Ершов М.Ф. Образы фронта при колонизации Северной Америки и Сибири // Вестник угроведения. История. Археология. Этнография. 2011. № 4 (7). С. 125–135.
13. Замятин Д.Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. 2004. Вып. 1. С. 12–41.
14. Карпухина В.Н. Образ «Сибирского фронта» в публицистике Алтая начала XX века // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 82–91.
15. Ковтун Н.В. Малая проза М. Тарковского в контексте «нового реализма» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 39–50.
16. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.
17. Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени (на материале русской прозы второй половины XX–XXI века). М.: ФЛИНТА; Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2022. 408 с.

18. Лазареску О.Г. «Ермак взял Сибирь»: о жанровой полипотентности художественного образа в аспекте поэтики заглавия // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 238–251.
19. Литературная энциклопедия: в 11 т.: 1929–1939 / ред. колл.: П.И. Лебедев-Полянский, И.Л. Маца, И.М. Нусинов, В.М. Фриче; гл. ред. А.В. Луначарский; ученый секретарь Е.Н. Михайлова. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Сов. энцикл.», 1935. Т. 9. 832 стб.
20. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С.М. Даниэля; сост. Р.Г. Григорьев. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
21. Милянчук Н.С. К вопросу о «географической» типологии текстов: существует ли «дальневосточный» текст? // На перекрестках филологических дорог: сб. ст. / под ред. Т.И. Петровой. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2014. С. 177–185.
22. Панарина Д.С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 39–52.
23. Родигина Н.Н. Репрезентация литературных путешествий в Сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины XIX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 170–182.
24. Романова А.П. Фронтирмэн, охотник, воин // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 1. С. 67–79.
25. Соколов С.М. Восточный вектор евразийства П.Н. Савицкого // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 14 (2). С. 11–15.
26. Тарковский М.А. Замороженное время. Книга прозы. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. 416 с.
27. Тарковский М.А. Тойота-Креста: роман. М.: Э, 2016. 416 с.
28. Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды: в 2 т. М., 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 219–280.
29. Хромых А.С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография / отв. ред. Г.Ф. Быконя; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. 312 с.
30. Цветова Н.С. Русская традиционная проза второй половины XX века как историко-литературный феномен // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2018. № 2. С. 66–71.

Сведения об авторе

Вальянов Никита Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nick.valyanov@yandex.ru

THE PLOT OF A JOURNEY TO THE EAST IN THE CONTEXT OF THE POETRY OF EASTERN FRONTIER (TO THE ANALYSIS OF M. TARKOVSKY'S NOVEL *TOYOTA-CRESTA*)

N.A. Valyanov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the poetics of the eastern frontier in the artistic tradition of the contemporary Siberian writer M.A. Tarkovsky. Using the author's landmark novel *Toyota-Cresta* (2017), the narrative of a journey to the East is explored as a model for representing Siberian and Far Eastern narratives. Particular attention is paid to the realization of the cultural boundary defining the interdependent relations between the western and eastern regions of Russia. The author himself believes that Siberia is marked as a space where a 'dialogue of cultures' is possible (Yu. Lotman).

The purpose of this article is to identify the specific features of the narrative of a journey to the East as a narrative model shaping the poetics of the eastern frontier in M.A. Tarkovsky's fiction.

Research methods: mythopoetic and structural-typological text analysis.

Research results. The plot of the journey to the East is the structural element of the novel *Toyota Cresta*; it is presented as a narrative model, constructing the poetics of the Eastern frontier on various levels: figurative, motivic, and chronotopic.

The construction of the novel's figurative system is determined by the characters' thinking, oriented primarily toward traditional (Eastern) values. The image of the central character, Yevgeny Barkovets, is written in the mythopoetic tradition and imbued with the traits of a cultural hero: from his folkloric and Christian origins to the tradition of depicting a 'boy' hero capable of promptly determining the direction of travel.

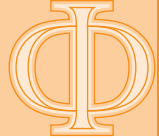
The plot of the journey to the East is presented as an initiation, constructing the novel's motivic system and is linked with the image of the road, the theme of movement, and situations of encounter and separation, defining the novel's key leitmotifs: from loneliness and emptiness to overcoming, conquest, and exploration.

The work's chronotope is represented by the archetype of the road, structured by figurative and spatial antinomies. Within the author's narrative, this fosters cultural dialogue. The novel's metaphorical interpretation of the journey's plot reproduces the idea of Russia's destiny, moving eastward and historically capable of overcoming the West-East dichotomy.

Keywords: *journey plot, eastern frontier, conquest motif, exploration motif, initiation plot, Mikhail Tarkovsky, Siberia, Far East.*

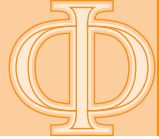
References

1. Avtukhovich, T.E. *Iniatsiatsiya kak problema v literature XX–XXI vekov [The Initiation as a problem in the literature of the XX–XXI centuries]*. Grodno, GrSU, 2024. 155 p.
2. Aleksandrova-Osokina, O.N. Obraz "dal'nevostochnogo frontira" v lirike P.S. Komarova ["The Image of the "Far Eastern Frontier" in the Lyrics of P. S. Komarov]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [The Philological Sciences: Theoretical and Practical Issues]*, 2023, 16 (10), 3622–3627.

3. Andreeva, A.A. “Frontir” kak kul’turno-istoricheskaya kategoriya / [“Frontier” as a Cultural-Historical Category]. In: *Vestnik Maykopskogo gosudarstvenno-go tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], 2014, 3, 11–15.
4. Anisimov, K.V. Vostochnyy travelog russkoy literatury XIX v.: “voobrazheniye” imperskikh okrain i poetika povestvovaniya (predvaritel’nyye zamechaniya) [“An Eastern Travelogue of 19th-Century Russian Literature: “Imagination” of the Imperial Outskirts and the Poetics of Narrative (Preliminary Remarks)]. In: *Imagologiya i komparativistika* [The Imagology and Comparative Studies], 2014, 1, 5–21.
5. Blazhes, V.V. Imya pokoritelya Sibiri v svete fol’klornykh faktov [The Name of the Conqueror of Siberia in Light of Folklore Facts]. In: *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Ural State University], 2001, 20, 241–250.
6. Blazhes, V.V. *Fol’klor Urala: narodnaya istoriya o Yermake (issledovaniye i teksty)* [The Folklore of the Urals: A Folk Story about Ermak (Research and Texts)]. Ekaterinburg, Ural University Publishing House, 2002. 186 p.
7. Valyanov, N.A., Zubkova, P.I. Motiv puti i yego znachenije v romane Ye. Vodolazkina “Lavr” [The Motif of the Path and Its Significance in E. Vodolazkin’s Novel “Laure”]. In: *Sibirskiy filologicheskij forum* [The Siberian Philological Forum], 2023, 25 (4), 63–73. DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-63-73
8. Valyanov, N.A. *Poetika M.A. Tarkovskogo: problema khronotopa i obraz geroya* [The poetics of M.A. Tarkovsky: the problem of the chronotope and the image of the hero]. Moscow, Flinta, 2020. 228 p.
9. Vasilyeva, T.V. Osnovnyye toposy frontirnogo khronotopa v literature XIX veka [The Main Topoi of the Frontier Chronotope in 19th-Century Literature]. In: *Yazyk kak struktura i diskursivnaya praktika* [Language as Structure and Discursive Practice], 2025, 1 (8), 41–48. DOI: 10.38161/2949-4877-2025-1-41-48.
10. Vorobyeva, T.V. Vostochnyy frontir Rossii [Russia’s Eastern Frontier]. In: *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the KRAUNC. Humanitarian Sciences], 2012, 1 (19), 5–14.
11. Golovneva, E.V., Martishina, N.I. “Vladet’ Vostokom”: konstruirovaniye obraza regiona v tvorchestve V.K. Arsen’yeva [“To Rule the East”: Constructing the Image of the Region in the Works of V.K. Arsenyev]. In: *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [The Siberian Historical Research], 2018, 1, 200–218.
12. Ershov, M.F. Obrazy frontira pri kolonizatsii Severnoy Ameriki i Sibiri [The Images of the Frontier in the Colonization of North America and Siberia]. In: *Vestnik ugrovedeniya. Istoriya. Arkheologiya. Etnografiya* [Bulletin of Ugro Studies. History. Archaeology. Ethnography], 2011, 4 (7), 125–135.
13. Zamyatin, D.N. Geograficheskiye obrazy puteshestviy [Geographical Images of Travel]. In: *Gumanitarnaya geografiya: nauchnyy i kul’turno-prosvetitel’skiy al’mankh* [Humanitarian Geography: Scientific, Cultural and Educational Almanac], 2004, 1, 12–41.

14. Karpukhina, V.N. Obraz «Sibirskogo frontira» v publitsistike Altaya nachala KHKH veka [The Image of the “Siberian Frontier” in the Altai Journal of the Early Twentieth Century]. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal [Siberian Philological Journal]*, 2020, 2, 82–91.
15. Kovtun, N.V. *Trikster kak geroy nashego vremeni (na materiale russkoy prozy vtoroy poloviny 20–21 vekov [The Trickster as a Hero of Our Time (Based on Russian Prose of the Second Half of the 20th–21st Centuries)]*. Moscow, Flinta, 2022. 408 p.
16. Kovtun, N.V. Malaya proza M. Tarkovskogo v kontekste “novogo realizma” [Short fiction by M. Tarkovsky in the context of the “new realism”]. In: *Gumanitarnyy vektor [Humanitarian Vector]*, 2019, 14 (5), 39–50.
17. Kovtun, N.V. Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI vekov: genezis, mifopoetika, konteksty [The Russian Traditionalist Prose of the 20th–21st Centuries: genesis, mythopoetics, contexts]. Moscow, Flinta, Nauka, 2017. 600 p.
18. Lazarescu, O.G. “Yermak vzyal Sibir’”: o zhanrovoy polipotentnosti khudozhestvennogo obraza v aspekte poetiki zaglaviya [“Ermak took Siberia”: on the genre plurality of the artistic image in the aspect of the poetics of the title]. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*, 2021, 61, 238–251.
19. *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t. 1929–1939 [The literary encyclopedia: in 11 volumes. 1929–1939]*. Moscow, OGIz RSFSR, Soviet encyclopedia, 1935, 9, 832 col.
20. Lotman, Yu.M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [The Articles on the semiotics of culture and art / Preface]. St. Petersburg, Academic project, 2002. 544 p.
21. Milyanchuk, N.S. K voprosu o “geograficheskoy” tipologii tekstov: sushchestvuyet li “dal'nevostochnyy” tekst? [On the question of the “geographical” typology of texts: is there a “Far Eastern” text?]. In: *Na perekrestkakh filologicheskikh dorog: sbornik statey [At the Crossroads of Philological Roads: A Collection of Articles]*, 2014, 177–185.
22. Panarina, D.S. Mify i obrazy sibirskogo frontira [The Myths and Images of the Siberian Frontier]. In: *Kul'turnaya i humanitarnaya geografiya [The Cultural and Humanitarian Geography]*, 2013, 2, 1, 39–52.
23. Rodigina, N.N. Reprezentatsiya literaturnykh puteshestviy v Sibir' v russkikh obshchestvenno-politicheskikh zhurnalakh vtoroy poloviny XIX veka [The Representation of Literary Travels to Siberia in Russian Socio-Political Journals of the Second Half of the 19th Century]. In: *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2012, 39, 170–182.
24. Romanova, A.P. Frontirmen, okhotnik, voyn [Frontierman, Hunter, Warrior]. In: *Zhurnal frontirnykh issledovaniy [Journal of Frontier Studies]*, 2016, 1, 67–79.
25. Sokolov, S.M. Vostochnyy vektor yevraziystva P.N. Savitskogo [The Eastern Vector of P.N. Savitsky's Eurasianism]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya [Bulletin of the Buryat State University. Philosophy]*, 2014, 14 (2), 11–15.

26. Tarkovsky, M.A. *Zamorozhennoye vremya [The Frozen Time]*. Novosibirsk, Publishing House “Historical Heritage of Siberia”, 2009. 416 p.
27. Tarkovsky, M.A. *Toyota-Kresta [Toyota Cresta]*. Moscow, Publishing House “E”, 2016, 416 p.
28. Uspensky, B.A., Lotman, Yu.M. Rol’ dual’nykh modeley v dinamike russkoy kul’tury (do kontsa XVIII veka) [The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (until the End of the 18th Century)]. In: *Izbrannyye trudy: Semiotika istorii. Semiotika kul’tury. [The Selected Works: Semiotics of History. Semiotics of Culture]*. Moscow, 1994, 1, 219–280.
29. Khromykh, A.S. *Sibirskiy frontir. Vstrecha tsivilizatsiy ot Urala do Yeniseya (poslednyaya tret’ XVI – pervaya chetvert’ XVII veka) [The Siberian Frontier. Meeting of Civilizations from the Urals to the Yenisei (last third of the 16th – first quarter of the 17th century)]*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2012. 312 p.
30. Tsvetova, N.S. Russkaya traditsionnaya proza vtoroy poloviny XX veka kak istoriko-literaturnyy fenomen [The Russian Traditional Prose of the Second Half of the 20th Century as a Historical and Literary Phenomenon]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya Zhurnalistika [Bulletin of Voronezh State University, Philology. Journalism]*, 2018, 2, 66–71.

About the author

Valyanov, Nikita A. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: nick.valyanov@yandex.ru